Баки подумал, что видел. И что был бы счастлив забыть. Как можно жить там, когда вокруг морозной жутью всё пропитано. Как можно хотеть остаться.

— И не пробовал найти дом, вернуться?

Друид резко повернулся, его почти прозрачные глаза налились темнотой и бликами алых угольев.

— А сам ты? — по-мальчишески зло спросил он, — Не хотел уйти? Найти дорогу домой, вернуться? Никто тебя тут не держит.

Больно стало от этих слов. И чувствовал Баки, что боль эта у них одна на двоих. Потянулся рукой, обхватил пальцами тонкое предплечье — друид весь напрягся, — и потянул на себя. Не резко, но непреклонно, заставляя улечься себе на грудь, на колени, принять объятие. Тело под рукой было тонким, колючим, костлявым. Друид чуть дрожал, и тепло от него чувствовалась через две его рубахи. Баки прижал сильнее, погладил по спине, по холмикам-позвонкам.

— Я не потому не ухожу, что не могу, — сказал тихо, но отчётливо, чтобы друид ясно услышал. — А потому, что не хочу. Прежний я умер на том поле. Новый я родился в лесу неподалёку, когда ты оттяпал мне руку, — Баки горько усмехнулся, — и дал новую жизнь. Моё место здесь.

Было тихо, только в сумерках начали ухать совы в лесу да трещали угли вокруг горшка. Пока друид не сказал вдруг, совсем расслабляясь под его рукой:

— Если позовут, найдут тебя, если нужен будешь — пойдёшь. И забудешь, что умер там. Может быть, и я однажды пойду. Но не сейчас.

Баки не знал, что можно ответить. Смотрел на тлеющие, разгорающиеся и гаснущие от дыхания ночи угли, казалось, что всё вокруг мерцает алыми всполохами — и тёмное небо, и чернота леса. Казалось, что он слышит, как тихо трещат ветки под широкими лапами старого медведя, обходящего поляну по дуге. Друид, словно обессилев от долгого своего сказа, уснул прямо на его коленях — а Баки и не был против. Был бы двурук — донёс бы до шкур нежно, осторожно, не потревожив сна. Уложил бы и накрыл потеплее. Но он не мог. Одной рукой только пращу крутить и на богов надеяться. Потому сидел он перед костром до тех пор, пока изо рта не повалил густой пар, а угли совсем не погасли. Волчата поскуливая выбрались из-под полога и принялись крутиться вокруг, будто уговаривая разжечь уже внутри очаг, да пожарче. Баки понимал, что пора, и ноги кололо бессчётными иголками от неподвижного сидения. Он устало улыбнулся, потрепал по холкам тыкающихся носами в бедро волчат, и осторожно погладил друида по мягким, отросшим волосам.

— Знаю, пора, — сказал он щенкам. — Но что же делать. Видите — спит?

Поутру Баки встал первым, небесное светило едва зарумянило край леса лучами. Умылся выпавшим за ночь инеем и, стуча зубами от холода, скинул с себя рубаху. Остался только в

тёплом килте, подкинул прихваченный из землянки боевой свой топорик. И принялся разминаться.

Медленно сначала, чтобы спящее ещё тело не начало противиться его упражнениям. Принимал боевые стойки, не торопясь, лениво перетекал из одной в другую, повторяя все, что знал, хитрые связки. Уже почти не обращал внимания, как дергается на его желание помочь другой рукой культя с безобразным огрызком плоти. Словно все его подвиги, нанесённые иглой и чернилами на кожу, вся его жизнь до самого этого похода стёрлась, как и не было её.

Может, стоило начать летопись заново?

Баки разогрелся и начал танцевать по расчищенной, утоптанной им самим небольшой опушке перед пологом. Крутился, только топорик в руке свистел от рассекаемого молниеносно воздуха. Сердце билось в груди быстро, ровно. По лицу и спине давно тёк пот. От него разогревался сам воздух вокруг, окутывая его прозрачным паром.

Сделав последний подсекающий и следом — рубящий выпад, Баки замер в стойке, успокаивая дыхание. Тело удовлетворёнено гудело, мышцы все откликались на каждую мысль и желание.

За спиной хлопнул полог — словно его только что резко отпустили.

Баки обернулся — шкура медленно качалась от движения, видимо, друид смотрел за ним всё это время, не подавая голоса. А теперь спрятался.

Знание это наполнило тело истомой. В паху загудело, потянуло только от мысли, что друид смотрел. Наблюдал, по своему желанию — никто его за руку не тянул.

Баки отвернулся и коротко хмыкнул, поднимаясь из выпада на обе ноги. Не обращая внимания на топорщащийся спереди килт, обмылся наскоро из бочки с ледяной водой — перед походом в подлесок стоило смыть с себя пот.

Сам то он разве лучше тетерева? Токует, зазывая к себе в пару, распушил хвост.

От мысли стало радостно и смешно. Не пряча улыбку, Баки натянул на мокрую кожу рубахи — тонкую и толстую, — накинул на плечи шкуру и крикнул:

— Я в лес. Хочу несколько кольев заготовить. Там крупа для каши осталась, свари, поедим, как вернусь.

В ответ только шкура колыхнулась.

Баки, широко улыбаясь, свой боевой топорик прицепил на пояс, а в руку взял обычный, для

рубки дров. Между ног пекло, член стоял крепко, тёрся о грубую ткань килта, что Баки знал — зайдёт в осинник, и за ближайшими кустами примется за себя. Терпеть было невмоготу. И не только мысли о друиде, подглядывающем за ним, задорили тело. Весь воздух наполнял томным ожиданием. Каждый вдох-глоток обещал что-то, распалял и дразнил. Весна, негодница, не только животных заставляла искать себе пару. Предвкушать тепло другого тела, робких прикосновений, неумелых поцелуев.

Из-под шкуры выскочил Хъялги, словно его выкинули из тепла на холод, и, подпрыгивая на кочках, понёсся за ним следом.

http://erolate.com/book/3459/83645